

Вместо предисловия

Мерилом присутствия стал Интернет. В пространстве Мировой паутины есть все: дела, люди, история, будущее, правда, вымысел, откровенная боль и не менее откровенная ложь...

В Интернете все поддается измерению цифрой: количеством просмотров и посетителей, временем чтения, аудиторией и т.п. А цифра – дама сугубо прагматичная, и потому за статистикой видится реальность. И как же я радовался, исследуя виртуальное пространство на предмет «Ю.Д. Левитанский». Юрий Давидович Левитанский не просто присутствует в инете, обжив его как родной дом. Интерес к его персоне, творчеству, идеям впечатляет! Достаточно набрать в любом поисковике «Юрий Левитанский», и сотни, сотни ссылок на сотни и сотни материалов выводятся на экран: его собственные стихи и пародии, видеофильмы и фотографии, песни в исполнении популярных российских бардов...

И лишь одна беда: торкнешься чуть глубже и все – знаний цельных и последовательных нет. На поверхности только общая информация – массовая: Левитанский большой поэт, классик, гражданин. На поверхности одни лишь отрывки, обрывки, абзацы. Строчки: жил-был, написал-издал, приехал-уехал... Мнения, рассуждения... – да и тех, мне кажется, маловато. В «Истории русской советской поэзии», подготовленной Институтом русской литературы (Пушкинский дом), Левитанскому отвели ровно две строки как поэту военных лет, да и те в общем перечне стихотворцев. К началу XXI века след некоторых из них где-то затерялся, а он по-прежнему на гребне читательского интереса. Выходит, академическая наука не сильно жаловала Левитанского.

Не нашел я в паутине ни биографии, ни хрестоматийного сборника воспоминаний друзей и близких. Об этом приходится только сожалеть. Тех, кто помнит что-то важное, становится все меньше и меньше. И это означает, что в дальнейшем исследования будут касаться исключительно поэтического наследия. А жизнь? А вера? А любовь? Готов побиться об заклад, что историку, литературоведу, да просто тысячам почитателей творчества Юрия Левитанского очень не хватает сборника воспоминаний, подобного тому, что вышел о Борисе Слуцком: 49 авторов рассказали о Слуцком-поэте. Таких «дружеских изданий» немало, а о Левитанском их почему-то нет.

Слуцкий оставил хотя бы автобиографическую прозу, Пастернак сам тщательно анализировал свою жизнь, а Левитанский в этом плане ничего не сделал. Или сделал, но не опубликовал.

Это, конечно, недоразумение, что жизнь такого большого поэта сплошная «терра инкогнито».

Но если рассуждать здраво, откуда бы ей, биографии, взяться, если целые десятилетия жизни не пересказаны! Изначальный провал как по хроносу, так и по жизни. Как пример, послевоенное десятилетие. Географически – иркутский период жизни и деятельности, по хронологии 1945 – 1955 годы, по жизненной коллизии возвращение со Второй мировой войны, первая любовь, семья, становление поэтического мастерства, обретение известности... Тот, кто верит в их «необязательность» для поздней творческой биографии поэта этого десятилетия, мне кажется, сильно заблуждается. Иркутское время дало нам первые, и вторые, и третьи левитанские книги (1948 – «Солдатская дорога», 1949 – «Встреча с Москвой», 1951 – «Самое дорогое: стихи в защиту детей», 1952 – «Наши дни», «Утро нового года», 1954 – «Секретная фамилия», 1956 – «Листья летят», 1957 – «Секретная фамилия»), и книги 50-х годов, изданные в Новосибирске, и потом, спустя 12 лет, в 1969, – «Течение лет» в Иркутске – серия «Сибирская лира»).

Можно ли вычеркнуть из жизни поэта десятилетие повседневной жизни в Иркутске, славившемся своей культурной средой, которая пе-

риодически давала России больших поэтов и прозаиков? Возьмет ли кто на себя смелость утверждать, что все эти иркутские годы, вместившие море событий – от любви к женщине и обретения семейного очага до гибели брата, активную литературную и общественную деятельность, быт, наконец (о нем в СССР не принято было говорить, дабы не получить ярлык мещанина или, не дай бог, клеймо преклонения перед буржуазными ценностями), в котором лучшие или, наоборот, худшие личностные человеческие качества проявляются особенно зримо, никоим образом не повлияли на его характер, поэтическое восприятие? А даст ли кто ответ: не является ли именно «иркутское житие» определяющим всей его последующей жизни (ну хотя бы поэтической)? Этих и подобных вопросов великое множество. И тут, честно говоря, неважно, положительным или отрицательным будет ответ. И в том, и другом случае биография Левитанского никак не пострадает. Наоборот, приобретет свое и отринет чужое.

А пока я хотел бы определить иркутское время Левитанского как тот меридиан его послевоенной биографии (конечно, не нулевой, но, может быть, начальный), с которого и начинался его путь на поэтический олимп.

Итак, биографического описания нет. Нет по разным причинам, которые все несерьезные, необязательные. Просто так случилось, так легло, хотя биография просто обязана была появиться.

Но, может быть, тогда нам поможет поэтическая биография? Ведь трудно представить, что, став признанным мастером слова (безусловно, не в день своего ухода от нас в 1996 году), имея тысячи и тысячи поклонников, пусть и небольшую, но критику, опубликовав почти все, что написал (что-то, может быть, осталось неизданным), она, поэтическая биография, не сложилась! Имея ее, т.е. историю творчества со всеми ее коллизиями, можно было бы знакомиться с жизнью поэта и, разумеется, деятельностью. Но и такой работы, увы, до сих пор не сделано. А поэтических биографий необходимо иметь не одну, не две, а целый ряд. Сколько исследователей, столько и вариантов. Ефим Бершин пишет:

«Так вот Юрий Левитанский был совершенно не похож на свои стихи. Глядя на него, трудно было поверить, что перед тобой автор «Кинематографа», «Дня такого-то», «Прогулок с Фаустом», поэт, обладающий таким мощным и былинным дыханием, какого, кажется, не бывает во-все» (<http://www.lgz.ru/archives/lnmlrch/lg022002/Polisy/art72/htm>). Я оставляю за скобками, почему Е. Бершину кажется именно так. Главное, что и эта, и другие точки зрения в нашем конкретном случае важны и интересны.

В 1993 году Левитанский вольно или невольно дал подсказку своим будущим биографам, в которой утверждал, что каждого неповторимого поэта создает эволюция, что интересен тот путь, который им пройден и который никем не может быть повторен (*Газета независимой интеллигенции. Сентябрь, 1993*).

Значит, история поэтического пути, где главным звеном является констатация, нам всего не расскажет. Левитанский требует эволюции, ему важно, как оценят его путь в движении, из года в год, из ретроспективы в перспективу, из века в век.

В этом случае, принимаясь за жизнеописание Левитанского, я исхожу из начального меридиана, из того, что по сей день, месяц и год классической биографии, в которой рано или поздно пропишется иркутский период длиной в 10 лет, нет. Это во многом облегчает мою задачу.

Читатель не найдет в этой книге каких-то специальных литературных, критических, лингвистических и прочих открытий. Перед ним исключительно историко-биографическая работа, охватывающая пусть и очень важный, но исключительно интересный период жизни великого русского поэта и литературного деятеля Юрия Давидовича Левитанского. Я очень надеюсь, что эта история будет полезна для последующего жизнеописания.

Однажды омич Владимир Перевозчиков предложил Юрию Левитанскому ответить на знаменитую анкету Достоевского. Ответы он потом прислал обозревателю газеты «Комсомольская правда» Ольге Кучкиной. Они были опубликованы. В числе прочих был и вот этот:

- Ваше любимое изречение, афоризм?
- Мне нравится формула – не помню сейчас, кем она изобре-

на: все настоящие книги стоят на одной полке. Это я к тому, что есть любители определять, чья книга стоит выше, а чья ниже.

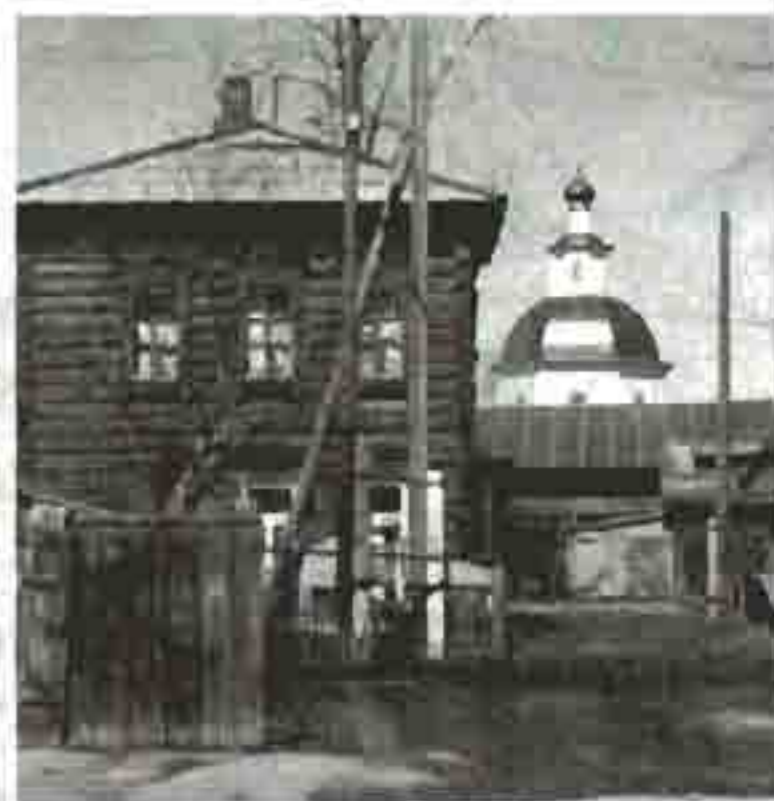
Если говорить об идеях и мыслях общего порядка – не специфически литературного, то со временем и с возрастом все больше соглашаешься с тем, что «все проходит».

Исходя из активного интереса к Юрию Левитанскому, в Интернете его собственные слова пока что опровергаются современностью. Ничего не прошло. Интерес, любовь, преклонение растут с каждым интернет-днем.

Евгений Евтушенко донес до читателя сакраментальное: «Поэт в России больше, чем поэт». Юрий Левитанский имел иную точку зрения: «Поэту быть поэтом – в самый раз». «Это достаточно высокое звание, не требующее никаких дополнительных эпитетов» (http://www.peoples.ru/art/literature/poetry/contemporary/yuriy_levitanskiy/index.html).

А замечательный, совсем еще не прочтенный ни публикой, ни специалистами иркутский поэт Анатолий Кобенков, глубокий почитатель Левитанского, много лет назад написал, что «как бы мы ни пытались объяснить себе, почему Левитанский стал Левитанским, мы будем в домыслах своих приблизительны: рождение поэта в стихотворце не фиксируется, поскольку второй – суть, продолжение первого, и потому Левитанский-поэт еще не однажды поблагодарит Левитанского-стихотворца за его пристрастие к быту, за тот журнализм, который был в чести у иркутских литераторов в годы, когда Левитанский складывал свои первые книги, за ту адскую работу несложившейся души и набирающей силу руки» (Анатолий Кобенков. *Путь неизбежный. Иркутск. 1983. С. 44*).

Я и при жизни Анатолия Ивановича спорил с ним, и сейчас не премину сделать этого, ибо в том нет ничего обидного и зазорного для личности его масштаба. Любили или нет иркутские литераторы журнализм, еще предстоит доказать. Мои знания говорят, что настоящие писатели журнализм старались обходить. Достаточно познакомиться с архивными документами той поры, чтобы ответить однозначно: журнализм критиковали, ругали на различного рода «литературных

пятницах», диспутах, встречах. Тогда считалось, что журнализм, «газетчина» мешают поэтическим душевным борениям и поискам.

А что касается «несложившейся души»? Что хотел сказать этим Анатолий Иванович? Какой потайной смысл вкладывал в эти свои слова? Ибо если рассуждать социологически, то в «несложившуюся душу» Левитанского верится с трудом. Ну с чего бы это у него, прошедшего войну, а точнее две и обе не в тылу, а на самой что ни на есть передовой, не было душевного настроения?

Я вполне могу признать, что ужасы и трудности не обязательно являются фундаментом для возмужания. Но он, видевший на войне все или почти все, писал трогательные, музыкальные строки. Писал сразу так, что не был похож ни на какой другой поэтический стиль, кроме собственного, самобытного. Он был поистине кудесником слова. На чем бы ни останавливалось его слово – рождались музыкальные рифмы. Как могла бы справиться со всем этим «несложившаяся душа»? Думаю, душа была и сложена, и сложна.

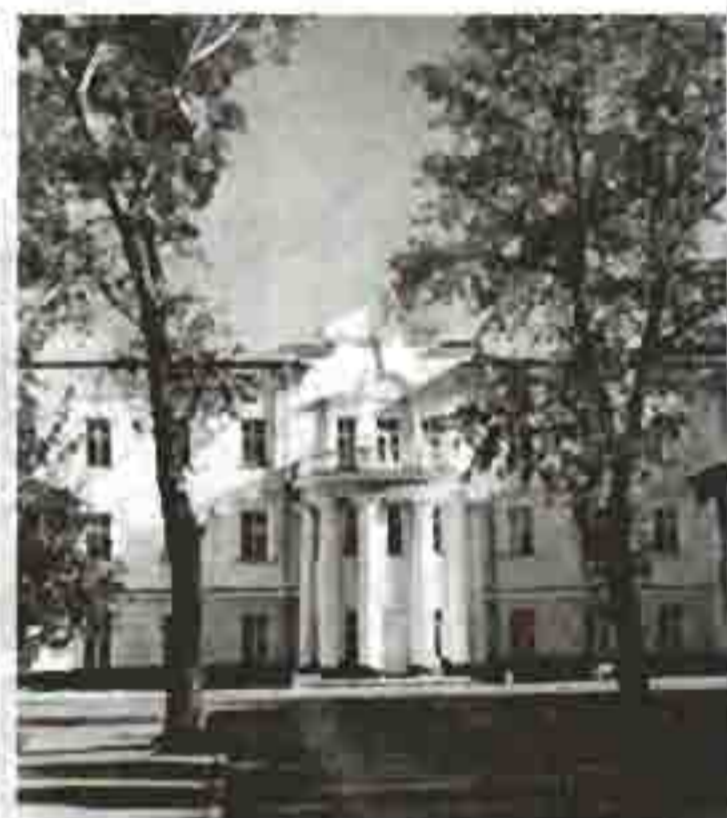
Говорят, стихи Левитанского очень нравились Арсецию Тарковскому. Другому же мэтру российской поэзии Александру Ревичу они не нравились настолько, что он и за поэта-то его не считал (<http://a88.narod.ru/ars767656.htm>). Такая борьба суждений!

Почему необходимо писать биографию поэта? Кроме того что ее просто не сложили, мы имеем дело с большим литератором, влияние которого на весь литературный процесс в течение как минимум полувека очевиден (кажется, все согласились с тем, что он классик, сделавший огромный вклад в развитие отечественной литературы, в том числе и мировой). Это первое. Михаил Бершин, к примеру, писал: «Перед русской поэзией XX века у Левитанского есть две бесспорные заслуги: во-первых, он реанимировал глагол, а во-вторых, доказал, что строка может длиться целую вечность, не теряя при этом своей естественности, органичности. После Пушкина никто, кажется, так не любил глаголы, никто их так изысканно не рифмовал, не перекачивал по строке, как волна перекачивает гальку, шурша и звеня. Он риф-

могал их настолько виртуозно, что складывалось впечатление, будто до него эти глаголы никто и нигде не употреблял. И еще в этом был прямой вызов тем, кто пытается и для поэзии устанавливать какие-то каноны и правила, в частности тем околотитературным снобам, которые почему-то вдруг решили, что глагольная рифма – дурной тон. А традицию понимают как нечто предписанное, связывая ее в основном с формой, забывая, что главное-то – в степени таланта, в образе дыхания» (<http://www.lgz.ru/archives/hnmlarch/lg022002/Polisy/art72/htm>)

Второе. Иркутские годы жизни поэта – очень важный период для самого Иркутска, точнее для его литературного, общественного пространства, на котором, как ни странно, во многом определялось последующее развитие как минимум русской драматургии (появление А. Вампилова) и «постдеревенской» прозы (появление В. Распутина). Отсюда в отечественную поэзию вошла целая плеяда сибиряков, чьи имена громче или тише зазвучали в поэзии (Е. Жилкина, И. Луговской, Е. Евтушенко, С. Кузнецова, Ю. Левитанский и сразу за ними М. Сергеев, П. Реутский, И. Рождественский, Л. Стекольников, М. Трофимов, Р. Филиппов, И. Фоняков, Л. Хрилев, С. Иоффе, С. Куняев, А. Преловский) и в разной степени повлияли на всю литературу.

Наконец, здесь, в Иркутске (как ни странно), во многом формировался кадровый (если хотите номенклатурный) потенциал Союза писателей СССР и РСФСР. Конечно, к рождению талантов эти ведомства отношение имеют опосредованное, но пройти мимо факта, что не один, не два, не три, а значительное число иркутских писателей оказались в аппарате литературного министерства, невозможно, да и незачем. Мы ведь знаем, сколько жизней прервалось или, наоборот, было спасено именно благодаря чиновникам от литературы.

На различные ключевые должности уехали Г. Марков, Ф. Таурин, В. Шорор, Б. Костюковский, В. Шугаев и многие другие. Со всеми ними Левитанский был не просто знаком или дружен. Все вместе они и были тем иркутским литературным пространством, которое в конце 50-х – начале 70-х годов явит миру неординарные судьбы, произведе-

дения, философию. Напомню, именно вслед за ним и его поколением пришли в литературу те, кто впоследствии составит знаменитую «Иркутскую стенку», – Распутин, Вампилов, Шугаев, Иоффе, М. Сергеев, Д. Сергеев, Шастин, Самсонов...

А разве можно обойти сугубо краеведческие интересы. Несомненно в конце 40-х – начале 50-х годов XX века Левитанский – литературный лидер Приангарья, а может быть, иркутского писательского цеха (разберемся по ходу повествования). А это означает, что в силу традиций и особенностей общественной жизни Иркутска мог играть и играл заметную роль в местной культурной среде.

Иркутское время поэта, вероятно, самое белое пятно в биографии. Это очень странно, потому что Левитанский еще при жизни был «возведен» в классики без особых государственных актов внимания. И произошло это благодаря народной любви, дефициту его книг, распеванию песен на чудесные строфы. Так что при всех раскладах он должен был стать мишенью для литературоведов, публицистов и историков литературы. То есть стал, «но не очень». Впрочем, если уж разбираться детально, то особенно удивляться нечему. Он хотя и не был диссидентом, открытым оппозиционером, но фронду себе позволял не

однажды. Литературное и партийное начальство знало – Левитанский имеет собственное мнение по «острым» политическим и внутренним вопросам. Это, конечно, раздражало идеологов и никак не способствовало пропаганде его имени. Власть все время ждала от него чего-то такого-эдакого, «не советского», что ли. Несмотря на большевистскую традицию коллекционирования поэтических голосов, в левитанском случае ничего подобного не наблюдалось. Может, официоз чуял бесперспективность для себя на этом направлении, а может, он сам раз и навсегда самоизолировался даже от идеи сделать его придворным стихотворцем. Консенсус состоялся на почве «равноудаления», что устраивало всех: он был по большей части внешне политкорректен, оставляя за собой право в любой момент «иметь свое мнение».

Печатался регулярно, никто не мешал любить его вместе с песнями бардов, стихами и пародиями, независимым взглядом и совершенно непохожим ни на чье другое восприятием мира. Его философские строки, словно специально созданные для распевок, становились культовыми. Песни из кинофильма «Москва слезам не верит» превратились в народно-застольные. При всем при том, как очень тонко подметил Евгений Сухарев, отношения со временем у Левитанского всегда были сложными. Почему? Возможно, оттого что попал как бы «между» возрастами, «между» литературными пластами. Это то, что на поверхности, то, что «не концептуально». В этой ситуации оказался не один Левитанский. «Он по возрасту и опыту принадлежал к «поколению сорокового года», а по душевному складу оказался все-таки ближе к шестидесятникам, к «поколению двадцатого съезда». Он долго оставался в тени своих сверстников – Бориса Слуцкого с ораторской мощной метафизикой слова, Александра Межирова с беспощадной, натуралистической «прозой в стихах», Давида Самойлова, искавшего в русском эпосе возврат к пушкинской гармонии. Но и среди шестидесятников он не был до конца своим: и возраст не позволял, и странная неизбывная сентиментальность, роднившая его не то что с допушкинским, а даже с внепушкинским веком – с лирикой Карамзина, «Опытами в стихах» Батюшкова, с открытиями Фета и Аполлона Григорьева. Сверстники Левитанского позиционировали себя как реалисты, шестидесятникам же необходима была романтика – ну хотя бы в виде ускользающего революционного мифа, и неважно, подавался он со знаком плюс или минус» (Евгений Сухарев. Последний сентиментализм (<http://www.netslova.ru/suharev/levitanskij.html>)).

Я с Евгением Сухаревым соглашусь в главном – время Левитанского было всегда сложным, и не по одной, а по целому ряду причин. И потому он был поэтом особой судьбы, начинавший жизнь, в прямом и переносном смысле, как минимум четырежды: две войны с тяжелыми ранениями, иркутское время – вращение в мирную жизнь и поиск

себя на новой малой родине, отъезд в Москву спустя почти 10 лет и опять новая жизнь, хотя и мирная, но с нулевого меридиана, с поиском себя в, безусловно, более конкурентной и жесткой среде.

Для Левитанского время не было отвлеченной субстанцией. И оно в дальнейшей его судьбе всегда ставило почти мистические ударения. В день, когда Москва прощалась с Левитанским, на другом конце света умер великий поэт Иосиф Бродский. А сам Левитанский ушел в день рождения Владимира Высоцкого. Я думаю, таких совпадений, если задаться целью продолжить ряд, будет достаточно. И хотя они мало что значат для повседневности, исключительно интересны вне обыденности.

Левитанский имел собственный взгляд на время. Принимать или нет его календарь – дело необязательное. Можно лишь поразмышлять, чего больше в его хронологии – чувств или меры, реальности или идей.

Его поэтическая характеристика советской эпохи, к которой принадлежал он сам, удивительно точно сопрягается с профессиональными историографическими конструкциями, где периодизации вообще отводится важнейшее место. Это ярко проявилось в стихотворении «Годы»:

Годы двадцатые и тридцатые,
словно кольца пружины сжатые,
словно годичные кольца,
тихо теперь покоятся
где-то во мне,
в глубине.

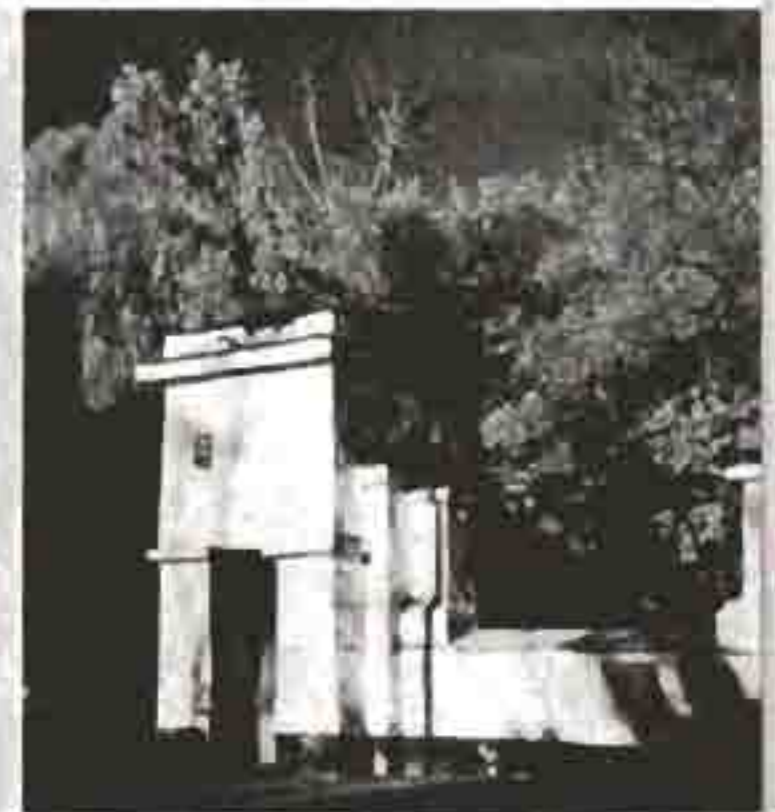
Строгие сороковые,
годы,
воистину
роковые,
сороковые,
мною не забытые,

словно гвозди, в меня вбитые,
тихо сегодня живут во мне,
в глубине.

Пятидесятые,
шестидесятые,
словно высоты, недавно взятые,
еще остывшие не вполне,
тихо сегодня живут во мне,
в глубине...

Время Левитанского – это сосредоточие деталей. Они оставляют да и формируют у поколений наиболее цепкую память. Именно в «запечатлении», «показывании», характеристике деталей Левитанский непревзойденный мастер, и Евгений Сухарев отметил: «После «Кинематографа» язык и форма стихов Левитанского существенно меняются. Они усложняются, и теперь с их помощью поэт не только «показывает» детали времени, но и обращается напрямую к самому человеческому бытию» (Евгений Сухарев. Последний сентименталист (<http://www.netslova.ru/suharev/levjtanskij.html>)).

Подытожим. К 2012 году биография Ю.Д. Левитанского не написана. Нет исследовательского прочтения жизни и деятельности, нет канонического варианта, более подходящего для популяризации творчества. И официальной биографии, кстати, тоже нет. Вероятно, все по той же причине: равноудаленным памятников не ставили, даже памятных досок.

Лучше обстоит дело с «попытками», «опытами» биографического прочтения. В попытках – вехи, ступеньки между годами. Получается, времена Левитанского по-прежнему не описаны, не раскрыты, нередко даже не опознаны. Между тем они вполне поддаются летоисчислению. Была война – от начала до конца, был Иркутск – ни много ни мало 10 лет. Это время, когда жизненный маятник любого советского человека колебался от места под солнцем до какой-нибудь расстрель-

ной статьи или лагерных полатей. 10 лет иркутской жизни! В 1945-м Левитанскому, когда он, военный журналист, прибыл на войну с Японией, – 23 года! Юноша по возрасту. К моменту окончательного отъезда в Москву – 33. Зрелый человек. Вполне справедливо говорить – годы становления поэтического труда, литературного поиска, выбора пути... Потом уже столичный новосел, человек мира.

Историки не оставили эти годы без имени нарицательного и нашли подходящее определение в своей периодизации – послевоенный период, послевоенные годы. Стало быть, послевоенное время, которому тоже дали масштабное определение, – восстановление народ-

ного хозяйства. Идеология целенаправленно внедряла в сознание миф об укреплении социализма, формировании теперь уже социалистического лагеря. Честно говоря, подкрепляла мощно, примерами, которые могли убедить в незыблемости партии и идеологии кого угодно. Один только Братск и самая-самая плотина в мире чего стоили! А ведь были еще и Иркутская ГЭС, и целина, и космические дали, и освоение сибирских месторождений, и открытие сибирских алмазов... И это при том, что страна-победитель все еще находилась в состоянии внутренней борьбы. «Оппортунистов», «космополитов», «врачей-вредителей», «критиков-

антипатриотов» и прочия, прочия, прочия «обнаруживали» постоянно. Конвейер работал без сбоя! Ничего, разумеется, не говорилось о новых репрессиях, старых-новых трагедиях миллионов россиян, смертоносных кампаниях по уничтожению науки, театров, отдельных людей и целых народов.

И каждый день, месяц, год из этого десятилетия поистине наполнен событиями: для кого-то положительно судьбоносными, для кого-то полными трагизма. Наверное, были и такие судьбы, для которых лихолетье прошло стороной. Уж если говорить о тоне государства и народа, то вся огромная страна постоянно что-то осваивала, перемещала, завоевывала, боролась за и против. Чего стоят только одни перемещения в годы войны: эвакуированные заводы, институты и театры, совхозы

и учреждения, конечно, привносили на новую территорию свое. Где-то это происходило незаметно – растворялось в большом, а где-то становилось мощнейшим толчком для развития. В час, когда появилась возможность возвращения, в обратный путь двинулись не все.

Что-то новое зарождалось в культуре, во взаимоотношениях, в мировоззрении...

Я не случайно назвал эту книгу «Иркутское время Юрия Левитанского». Не случайно, потому что мучительно долго искал тот такт и ту размерность, которые позволили бы восстановить этот кусок истории. Время невозможно понять без повседневности, которая вбирает в себя столько всего – от нужного до бесполезного. Ах, кабы Левитанский никогда не ходил с авоськой по иркутским магазинам, не колол дров, не растапливал печку, не тратил время на шумные застолья, не бродил по городскому лесу, любил только одну женщину, не ссорился с партийными органами и больше просиживал за письменным столом... А кто даст ответ, случился бы на земле без всего этого известный нам Левитанский? А может, кажущиеся лишними детали и слова как раз и рождали тот поэтический свет и то левитанское слово, которых это пространство еще не знало. И как после всего этого иркутское десятилетие классика русской поэзии не назвать **ВРЕМЕНЕМ!**..

Стоит ли рассказывать, как Хронос ловко стирает события и даты, как избирательно оставляет одно и напрочь, до поры до времени, скрывает другое. Потому-то время, которое мы хотим понять и в каком-то смысле вернуть, всегда требует реконструкции. Реконструкции всего: пространства, в котором жил и творил поэт, повседневной жизни, событийного ряда, каких-то деталей... Без многомерной картинки нам Левитанского до конца не понять, ибо его поэзия (беру смелость утверждать это априори) – тех десяти иркутских лет однозначно, а последующих в чем-то – приняла многие оттенки именно здешнего, иркутского, ландшафта. К примеру, многое указывает на то, что именно иркутское время в определенной степени заложено в его зна-

менитой книге 1970 года «Кинематограф», о которой особенно любили говорить критика и читающая публика. Сегодня, конечно, такое утверждение звучит несколько сенсационно, ибо документальных подтверждений нет, но интуитивно, а в некоторых случаях и вполне обоснованно, можно утверждать, что это так.

Я уже не говорю о косвенных доказательствах, которые также свидетельствуют, что иркутское время никогда не отпускало его, что вольно или невольно поэт возвращался в такие трудные, но одновременно и счастливые иркутские дни. Даже если и будут веские доказательства моего заблуждения, большой беды в том нет. В конце концов интуитивные размышления еще никому не приносили беды. Ну

а если рано или поздно всплывут веские документальные доказательства моей правоты, это будет хорошим признаком погружения автора в биографию великого поэта.

Почему мне кажется, что иркутские дни присутствуют в «Кинематографе»?

В заглавном, вступительном, стихотворении в первых строчках – город и окно. В нем же намек на канву собственной жизни: «И, участвуя в сюжете, я смотрю со стороны, как текут мои мгновенья, мои годы, мои сны». Я вижу в этом явный намек автора на ретроспективу, на ту самую эволюцию, без которой невозможно понять стихотворца.

Одно из первых стихотворений цикла – «Воспоминанье об оранжевых абажурах». Это «иркутское» стихотворение – практически воспоминание, основанное на реальной ситуации. «В этот город я вернулся с войны, у меня было все впереди, не было лишь квартиры, угла, кроватки». Оно не писалось специально для сборника «Кинематограф» и впервые было опубликовано в 1969 году. Еще раньше, в 1966-м, вышло стихотворение «Время слепых дождей». Такая хронология вполне могла бы быть рассказом знакомства Левитанского с Мариной Павловной Гольдштейн, которая в Иркутске стала его женой.

Летний ливень. Поздняя гроза.
Дождь идет,
но мы не слышим звука.

Лишь во весь экран – одни глаза,
два бездонных,
два бессонных круга,
как живая карта полушарий
этой неустроенной планеты,
и сквозь них,
сквозь дождь,
неторопливо
человек по улице идет,
и навстречу женщина идет,
и они
увидели друг друга.
Я не знаю,
что он ей сказал,
и не знаю,
что она сказала,
но –
они уходят на вокзал.

И стихотворение «Как показать лето», как мне кажется, о провинциальном городе. Конечно, провинциальности достаёт всем. Но мне хорошо знаком этот иркутский ландшафт с тополиным пухом. Долгое время в Иркутске, кроме тополей, кажется, вообще не было никаких деревьев.

Фонтан в пустынном сквере будет сух,
и будет виться тополиный пух,
а пыльный тополь будет неподвижен.
И будет на углу продажа вишен,
торговля квасом
и размен монет...

Постоянные откаты к прошлому (в стихотворении «Сон о забытой роли» возникает, случайно или нет, Марина), к войне – «Воспоминанье о куске сала», «Воспоминанье о дороге», «Воспоминанье о красном снеге». Эти возвраты – словно путешествия по биографии. А

может быть, стихотворение «Горящими листьями пахнет в саду. Прощайте, я больше сюда не приду» – это прощание с Иркутском, откуда он вновь возвращался, и теперь уже навсегда, в Москву, которую покинул в годы войны. И, между прочим, это стихотворение идет следом за военным «Воспоминаньем о куске сала».

«Воспоминанье о Марусе» привожу полностью. Это совершенно «иркутское» стихотворение.

Маруся рано будила меня,
поцелуями покрывала,
и я просыпался на ранней заре
от Марусиных поцелуев.
Из сада заглядывала в окно
яблонева ветка,
и яблоко можно было сорвать,
едва протянув руку.
Мы срывали влажный зеленый плод,
надкусывали и бросали -
были августовские плоды
терпки и горьковаты.
Но не было времени у нас, чтобы ждать,
когда они совсем поспеют,
и грустно вспыхивали вдалеке
лейтенантские мои звезды.
А яблоки поспевали потом,
осыпались, падали наземь,
и тихо по саду она брела
мимо плодов червонных.
Я уже не помню ее лица,
не вспомню, как ни стараюсь.
Только вкус поцелуев на ранней заре,
вкус незрелых яблок.

Во «Сне о забытой роли» возникает Марина, к которой кто-то взывает: «Марина, помилуй меня и спаси!» И даже если фактологически стихотворение навеяно сюжетом из Смутного времени на Руси, о

самозванце и, предположительно, Марине Мнишек, интонация о Марине любовная, воспоминательная, драматическая, что называется, на грани. И следующее стихотворение тоже трагическое. Возможно, это предчувствие скорого расставания с Мариной, новый поворот в жизни, новая семья...

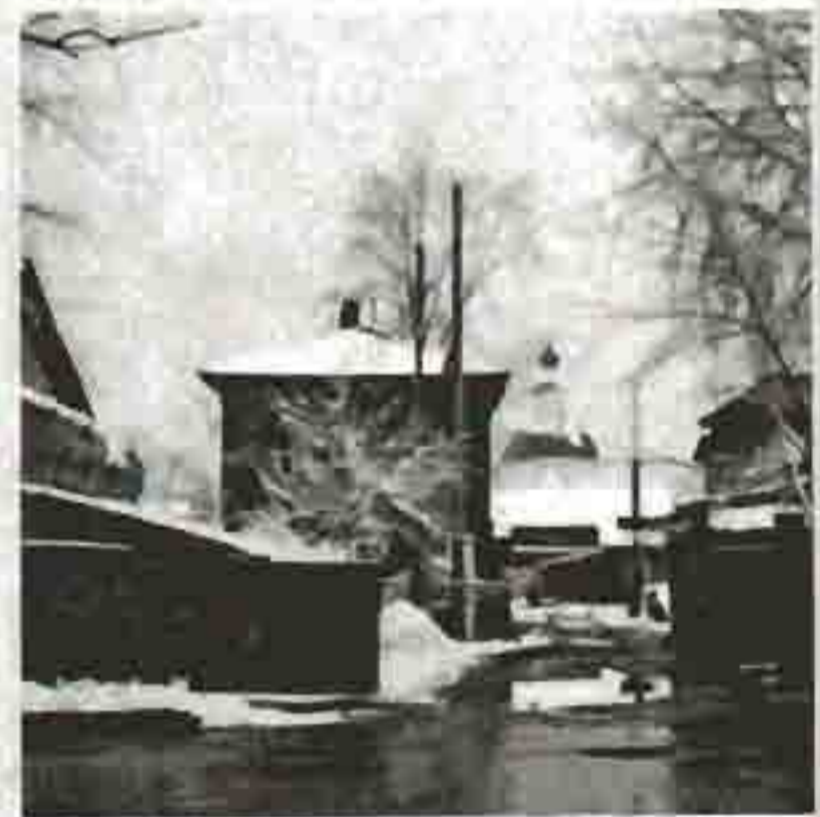
Собирались наскоро,
обнимались ласково,
пели, балагурили,
пили и курили.
День прошел – как не было.
Не поговорили.

Виделись, не виделись,
ни за что обиделись,
помирились, встретились,
шуму натворили.
Год прошел – как не было.
Не поговорили.

Так и жили – наскоро,
и дружили наскоро,
не жалея тратили,
не скупясь дарили.
Жизнь прошла – как не было.
Не поговорили.

Но все это, разумеется, пока лишь рассуждения, попытка реконструкции поэтического ландшафта, где доказательства слишком нестройны и эмоциональны.

Время всегда нестандартно по своей природе для каждого поколения, ибо каждому поколению выпадает решение своей доминирующей проблемы. Я просто уверен, что появление Левитанского в Иркутске застало творческую интеллигенцию врасплох. Уж больно необычен был его голос, такой красивый, такой самостоятельный и мощный. Возможно, и иркутский читатель тоже стремился понять, как

появился он в провинции с такой чарующей поэзией. Ведь то, о чем говорил в 1944 году Михаил Зощенко, беседуя с сотрудником ленинградского Управления НКВД СССР, было более понятно, чем то, как составлял свои строки поэт Левитанский. А сказал Зощенко следующее: «Я считаю, что литература советская представляет жалкое зрелище. В литературе господствует шаблон, все пишется по шаблону. Поэтому плохо и скучно пишут даже способные писатели» (*Власть и художественная интеллигенция. М., 1999. С. 515*).

Я много размышлял, почему задиристому, порой шумному и неуемному спорщику и пересмешнику, выделявшемуся из общего круга всем или почти всем (что в те времена было опасно само по себе), сходило с рук все или почти все. И даже когда дамоклов меч нависал, казалось, неотвратимо, его отводили от головы Левитанского в буквальном смысле этого слова. Все отводили – и те, кто способствовал вольно или невольно уничтожению других литераторов, и те, кто вряд ли причислял себя к почитателям его безусловного дара.

И вот что подумалось: возможно, именно в иркутском обществе, в этом информационном пространстве появилась явная потребность именно в таком поэте, возможно, именно на этом географическом ландшафте совершенно разные люди смогли увидеть что-то очень важное и нужное для себя, для литературы и догадались, что это как-то будет связано именно с ним. Не отвергаю и самой приземленной гипотезы: кто-то именно таким образом, возможно, вымаливал прощение за грехи, за слабость, которая когда-то выстреливала подлостью и приводила к людским трагедиям.

Все очищались перед ликом ТАКОЙ поэзии.

Размышляя о судьбе писателей в революционные годы, на том же допросе в НКВД Зощенко как бы вскользь обронил мысль о трагической судьбе поэтов: «Не сжились со временем». Ключевое для нашей работы высказывание. Думаю, Зощенко был слишком прав – не всем дано творить в конкретную эпоху.

Иркутское время Левитанского восстановить по традиционным источникам невозможно. Их просто нет: нет переписки, нет официального делопроизводства, нет мемуаров и фотоархива. В частной беседе его первая жена, братчанка-иркутянка Марина Павловна Левитанская (до замужества Гольдштейн) дала мне единственный, но, вероятно, единственно правильный совет – читать его стихи.

Так тому и быть, уж она-то наверняка знала, о чем говорила: иркутское время Юрия Левитанского – и ее время. Так что цитировать его строфы придется часто, но беды в том нет. Попробуйте купить Левитанского в книжном! По-прежнему устойчивый дефицит.

Сведения об иркутском периоде приходилось фактически собирать по крупицам. Слово, еще слово, предложение... Бесконечные газетные подшивки, архивные документы, что-то косвенное, что-то близкое. Сознаюсь, даже при том, что под обложкой этой книги собралось столько страниц, точку ставить еще очень и очень рано.

Совершенно ясно, не всякий поэтический образ, строка – точный слепок реальной истории. Так что придется читать между строк и пытаться, коли получится, заниматься дешифровкой. Поэты такие затейники... Чтобы проникнуть в поэтическое время, придется – деваться некуда – буквально препарировать стихотворные строчки, искать в них событие, реальных людей, реальные поступки. Но, с другой стороны, точно так же ясно, что главная правда в них – настроение поэта, его предчувствия и видения, отклик или отзвук тех сложнейших превращений в сознании, которые вкуче и рожают шедевры родного языка.

У Левитанского есть стихотворение «О несчастливом человеке». И там такие строки:

... В суете пробегаем
знакомый звонок,
А потом покупаем в складчину
веночек.
А всего-то был нужен – звонок!

О ком, о чем это стихотворение? Поди догадайся, если бы не реальный свидетель – Наталия Флорова. В своих воспоминаниях об Иркутском драматическом театре, в заметках о жизни и творчестве Павла Маляревского она раскрывает историю этого послания. «Пронзительные стихи о трагическом одиночестве этого человека-творца написал Юрий Левитанский – они назывались «Стихи о несчастливом человеке». Там есть образ – механический звонок на двери квартиры...» (*Байкальские вести. 18–21 ноября 2010. С. 8*).

Где-то в городе белом,
над белой рекой,
где белеет над крышами белыми
дым
и от белых деревьев бело –
в этот час по ступеням,
как горы, крутым,
как его пролетевшие годы,
крутым,
поднимается он тяжело.

Он в передней привычно
снимает пальто.
И никто не встречает его,
и никто
с ним не делит его вечеров.
Здесь когда-то
его обнимала жена,
а теперь обнимает его
тишина
этих белых, как снег, вечеров.
А на двери –
железная ручка звонка
и железные буквы –
над ручкой звонка
полукругом – «Прошу повернуть!».

А друзьям недосуг –
 не звонят, не стучат,
и весь вечер
 железные буквы кричат –
повернуть! повернуть! повернуть!
Надо срочно по улицам белым
 бежать,
поскорее заставить звенеть,
 дребезжать
позабывтый друзьями звонок.
... В суете пробегаем
 знакомый звонок,
А потом покупаем в складчину
 венки.
А всего-то был нужен – звонок!

Сколько таких тайн за поэтическими строками?

